

В.А. ВОЛКОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ВОССОЗДАНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1612–1618 гг.)

Наметившееся в конце августа во время боев с поляками Ходкевича сближение двух ополчений завершилось их объединением лишь в октябре 1612 г. До этого момента земские ратные воеводы, по точному выражению летописца, «в несоветии быти». Преодолев, мешавшую успеху земского дела преграду, Трубецкой и Пожарский в разосланных по городам в октябре 1612 г. грамотах извещали местные власти о «прекращении между ними всех расприй, о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым освободить государство от врагов». Факт примирения земских вождей зафиксирован подписями В. Бутурлина, Д. Головина, кн. А. Сицкого, кн. В. Туренина, И.И. Шереметева, кн. В.Т. Долгорукова, Н. Плещеева, И. Зыбина, М. Дмитриева, Л. Новокшенова, Б. Блудова, М. Бутурлина, Ф. Плещеева, И.В Измайлова, Д. Микулина, М. Плещеева, И. Ефанова И. Козлов,а П. Соковнина. По-видимому, это произошло на переговорах, в которых участвовали представители сторон, уполномоченные начальниками двух ратей, иначе трудно понять отсутствие на посланной в Белоозеро грамоте сообщения о примирении Пожарского и Трубецкого подписей самих ополченских «начальников». В образовавшемся из двух полков освободительном подмосковном войске воссоздавались общеземские, фактически общегосударственные органы власти – центральное приказное управление. Было образовано коалиционное правительство с участием «начальников» и приказных дельцов обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нем: кн. Д.Т. Трубецкой, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Нижегородского ополчения в Земское правительство вошли: кн. Д.М. Пожарский, «выборный человек» К. Минин, кн. Д.М. Черкасский, В.И. Бутурлин, И.И. Шереметев, И.В. Измайлов.

Во внешней политике новое Земское временное правительство продолжало ориентироваться на Швецию, связывая с кандидатурой шведского принца решение династического вопроса. Непременными условиями окончательного принятия на Москве Карла-Филиппа руководители ополчения считали его скорейшее прибытие в Новгород и избрание государем на Земском соборе. Прошведская ориентация руководителей войскового правительства сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 г. Объяснялось это, на наш взгляд, не только стремлением

Трубецкого и Пожарского приобрести поддержку соседней северной державы, давно уже враждебной Польско-Литовскому государству, но и сугубо внутренними причинами - глубоким убеждением вождей земского дела в том, что избрание новым государем кого-то из московских великих бояр приведет лишь к углублению кризиса, к «умножению вражды», к «конечному разорению» и гибели государства.

Объединение двух ополченских армий в октябре 1612 г. позволило земским воеводам добиться решающего перелома в ходе освободительной борьбы. 26 октября русским войскам сдался польский гарнизон Кремля, а на следующий день отряды ополчения вступили в Москву. Вопрос о будущем политическом устройстве Русского государства должен был решиться на Земском соборе, о созыве которого объявили руководители Земского правительства в ноябре 1612 г.

Несмотря на разгром армии гетмана К. Ходкевича и освобождение Москвы от поляков, - в столице и в стране в целом продолжала сохраняться напряженная обстановка. Значительные территории Московского государства оставались во власти интервентов, военные действия не прекращались даже в центральных уездах страны. В конце ноября - начале декабря 1612 г. подошедший к Москве с новой армией польский король Сигизмунд III предпринял попытку штурмом овладеть освобожденной русской столицей, отойдя от стен разрушенного и выжженного города после неудачного приступа к городу.

Сохранялась в ополчении и известная социальная напряженность - незаживающий след междуусобий первых лет XVII века и тесно связанного с ним противостояния в среде участников антипольского освободительного движения 1610-1612 гг. Летописец отмечал, что «в то время паки воздвижеся и бы[ст]ь во всей России мятеж велик и нестроение злейши первого. Боляре же не ведущие, что сотворити за не множество их зело и в самовластии блудяху». Заключенный в октябре 1612 г. компромисс не устранил противоречий, разъединявших разнородные группировки освободительного движения. Существенно осложняло ситуацию и то, что после одержанных под Москвой побед в общественно-политической жизни Московского государства многократно возросло значение казачества, наиболее радикальной силы русского общества того времени. В этих условиях перед Земским правительством и руководителями ополчения со всей остротой встал вопрос о будущем Московского государства, о скорейшем «устроении» земли.

Восстановление государственной власти мыслилось правительством Трубецкого, Пожарского и Минина в привычной для людей XVII столетия форме монархического правления. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора становилось избрание («обирание» - по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми

политическими группировками освободительного движения. Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый «Общий великий соборный совет», определивший в ходе своих заседаний порядок выборов представителей-участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий.

В отличие от предшествовавших земских советов, Избирательный собор 1613 г., как неоднократно отмечалось и подчеркивалось исследователями, был беспрецедентно широк по своему социальному составу. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городового дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян («уездных людей»). Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек. Они представляли не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте упомянуто лишь о 277 таких представителях, а подписали ее всего 238 участников «обириания» Михаила Федоровича.

Первоначальную дату начала работы Собора - 6 декабря 1612 г. (осенний Николин день) из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал в праздник Крещения - 6 января 1613 г. Соборные заседания происходили в обстановке обострившегося ожесточенного соперничества оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием собственного претендента на царский престол. «Снидишася изо всех градов власти и бояре, - записал летописец, - митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирасти государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволнение бысть...».

Участники собора выдвинули более десяти претендентов на российский престол. Среди них были: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «воронок» (Иван Дмитриевич - сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек) и ряд русских князей и бояр, не все из которых соглашались на свое избрание и в ряде случаев вставали на сторону других кандидатов. В разных источниках в числе кандидатов называются: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, Ф.И. Шереметев, Д.Т. Трубецкой, Д.М. и И.Б. Черкасские, И.В. Голицын, И.Н. и М.Ф. Романовы, П.И. Пронский и Д.М. Пожарский. Неверным и упрощенным представляется нам предположение И.О. Тюменцева о том, что претендентами на российский престол были выдвинуты на пропорциональной основе как участники боярского правительства («Семибояршины»), так и руководители земского освободительного движения 1611-1612 гг. В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование немногочисленных, но деятельных и

убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского «воренка». Сомнительным выглядит вывод И.О. Тюменцева о противостояния двух группировок - стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и сторонников кн. Д.Т. Трубецкого, в котором исследователь без должного на наш взгляд основания видит основного соперника будущего государя в борьбе за престол.

Как отмечалось выше, в Москве в тот период самой влиятельной общественной силой становится казачество. Это объяснялось как численным превосходством казаков, связанным с массовым отъездом из освобожденной столицы служилых людей, так и сохранением у них многих черт войсковой казачьей организации, сложившейся в «таборах». Противники казачества группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с его руководителями склонялась к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа. В этой связи уместно будет отметить, что, вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова, вся полнота власти в государстве принадлежала ополченским «боярам и воеводам» - временному Земскому правительству, возглавляемому Трубецким и Пожарским. Об этом достаточно образно писал архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князья, - князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им». Взятый в плен поляками 27 ноября 1612 г. сын боярский И. Философов в расспросе говорил об этом же, добавляя к числу московских правителей К. Минина: «А делает всякие дела князь Дмитрий Трубецкой, да князь Дмитрий Пожарской, да Куземка Минин». Поддержка, оказанная кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа авторитетными в казачьей и в земской среде лицами, в то время - руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, казалось, могла обеспечить ему реальное, решающее преимущество перед другими кандидатами. Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настояв на принятии решения об избрании царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничающими группировками деятельность собора зашла в тупик.

В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникает движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало московское подворье Троице-Сергиева монастыря, а его деятельным вдохновителем - келарь этой обители Авраамий Палицын, лицо весьма влиятельное среди ополченцев и

москвичей. Упоминание о происходивших на монастырском подворье совещаниях сохранилось в одном из русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря х келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, принесоша ж и писание о избрании царском». На них решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета, тесно связанного в прошлом и с антигодуновской оппозицией, и с «тушинцами».

К романовской партии примкнули многие бояре и приказные дельцы: кн. И.В. Голицын, И.Н. Романов, кн. Б.М. Лыков, кн. И.Б. Черкасский, Б.М. Салтыков, М.Г. Салтыков, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков и Г. Мартемьянов. Сына ростовского митрополита поддержало высшее православное духовенство - Освященный собор. Против планов сторонников дома Романовых выступила сильная правительственная партия, влияния которой на развитие событий недооценивать нельзя. К ней принадлежали: кн. Д.Т. Трубецкой, кн. Д.М. Пожарский, кн. Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины»), князь И.С. Куракин (знаменитый воевода, но известный полонофил) и некоторые другие князья и бояре. Находившийся в Новгороде шведский полководец Я.П. Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора, отмечал драматический характер происходивших в русской столице событий, где вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс - московских «простых людей» и казаков. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя».

О происходивших в те дни в Москве событиях говорится также в «Листе земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу Филиппу»: «... Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим воровством поставили государем Московского государства Михаила Романова».

На фоне этих драматических событий 21 февраля 1613 г. Земский избирательный собор, уступая энергичному нажиму снизу, провозгласил царем и великим князем Михаила Федоровича Романова-Юрьева, после освобождения Москвы от поляков проживавшего с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре. Согласно сложившейся в Смутное время традиции, новому российскому государю пришлось согласиться с известным ограничением своих прав и привилегий, в том числе и в области военного дела:

«ни войны, ни мира с соседями одному и по собственному усмотрению не предпринимать». Первый царь из дома Романовых обязался следовать традиционным формам управления государством: не вводить новых законов без согласия Боярской думы и Земского собора, охранять права русской православной церкви и не помнить «ни о какой частной вражде».

Новоизбранному московскому государю досталось тяжелое наследие десятилетней Смуты, войны и интервенции. У историков нет оснований сомневаться в значительном ослаблении верховной царской власти в первое десятилетие царствования Михаила Федоровича. Об этом прямо или косвенно свидетельствует целый ряд источников. Так, на основании дошедших до него слухов, Конрад Буссов в своей «Хронике» писал о царе следующее: «он не печется о правлении сам, а против их обычая, все представляет делать маршалу и другим вельможам». Эта несколько обобщающая характеристика первых лет правления нового царя может быть дополнена более конкретными примерами. Так, в грамоте 27 апреля 1613 г. из Троице-Сергиева монастыря, где царский поезд останавливался на пути из Костромы в Москву имя Михаила Федоровича, уже избранного на царский престол, писалось после имени митрополита Казанского и Свияжского Ефрема, что не способствовало укреплению авторитета нового государя и сакрализации царской власти. Другой пример был приведен в статье А.А. Семина, обратившего внимание на разгоревшийся в середине марта 1613 г. спор между Боярской думой и приближенными нового царя о праве пользования «государевой печатью», находившейся в Москве в руках думского правительства. Конфликт этот, закончившийся убедительной победой московских «бояр», свидетельствует о весьма действенном ограничении самодержавной (в более позднем толковании этого термина) царской власти условиями записи царя Михаила Федоровича, сходной в большинстве своих пунктов с аналогичными документами Смутного времени.

Возможно, этим объясняется и компромиссность политики молодого российского государя, правительство которого стремилось в первые годы его царствования привлечь к себе бывших участников земского освободительного движения, недавних «тушинцев», и даже тех, кто был в милости у Сигизмунда III и А. Гонсевского. Летописец подчеркивал, что «и московских бояр, и всяких чинов людей, которые сидели в Москве в осаде с литовскими людми и которые были в Литве у Короля и в Тушине, и в Колуге при воре лживом Дмитреи и тех государь всех для своего царского венца пожаловал наипаче свыше первого по их достоинству честию и пожитком. И совокупись вся земля русская ему государю служити». Ярким примером подобного использования в правительенной деятельности скомпрометировавших себя в Смутное время русских людей является

возвращение к своим обязанностям думного дьяка И.Т. Грамотина, верой и правдой служившего польскому королю Сигизмунду III и в одной из грамот об избрании царем Михаила Романова прямо названного изменником. Спустя несколько месяцев он получает прощение, долгие годы затем возглавляя Посольский и Новгородский приказы.

О возросшем значении «бояр» в первые годы нового царствования свидетельствует важнейший документ той эпохи – «твержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова». Анализ текста грамоты позволяет сделать вывод о том, что в 1613 г. по отношению к царской власти боярство (за редким исключением) выступило единым фронтом, чем и объясняется, например, умолчание составителей этого официального документа о сотрудничестве «Семибоярщины» с поляками, и наоборот, подчеркивание особой миссии боярства в избрании русским царем Михаила Федоровича Романова-Юрьева. В этой связи много вопросов вызывает замеченная А.А. Семиным подмена второго и третьего листов грамоты, осуществленная, по его предположению, сторонниками Романовых, чтобы скрыть истинную роль боярства и степень его участия в государственном управлении тех лет. Вполне допустимым является допущение, что изъятymi оказались и упоминания о том или ином ограничении некоторых царских прерогатив.

* * *

Разорение и упадок хозяйства, сложность социально-классовых противоречий, когда разбойничали и грабили даже служилые люди из земских полков, о чём сохранились точные документальные свидетельства, связанная с этим общая слабость политической системы вынуждали правительство избранного «всею землею» царя опираться на авторитет Земских соборов и сложившуюся практику местного губного и земского самоуправления, обращаться к выработанным в Смутное время формам организации взаимодействия правительственної власти и власти на местах. Эффективность подобного взаимодействия отчетливо проявилась во время Московского похода польского королевича Владислава (1617-1618 гг.), войску которого удалось прорваться к русской столице. Во время этого нашествия снова были парализованы основные, подконтрольные правительству, механизмы управления страной. По городам вновь послали бояр и воевод «с товарыщи»: в Ярославль – боярина и воеводу кн. И.Б. Черкасского, дьяка М. Данилова, стольника и воеводу кн. Г.В. Тюфякина; в Нижний Новгород боярина и воеводу кн. Б.М. Лыкова, второго воеводу И.А. Колтовского, стольника и воеводу кн. Ф.А. Елецкого, дьяка Д. Образцова. Они ссылались с местными властями и выборными людьми, собирая силы для организации отпора врагу.

Восстановление разрушенного в годы Смутного лихолетья государственного управления, несмотря на благоприятное разрешение в феврале 1613 г. династического вопроса, было затруднено продолжающейся интервенцией со стороны Польско-Литовского государства и Швеции. После освобождения Москвы и избрания на престол Михаила Федоровича последовала еще большая эскалация военного конфликта с этими государствами, которых считали себя обманутыми в надеждах на подчинение Московской Руси.

Продолжающаяся война требовала восстановления военной организации страны, больших финансовых и материальных издержек со стороны нового правительства. Вскоре после воцарения М.Ф. Романова была осуществлена массовая рассылка воевод по городам (в 1614-1615 гг. воеводы были назначены в 120 городов, включая и города Центральной России, где раньше их не было). Все они получили письменные наказы, согласно которыми вместе с назначенными им в помощь осадными и стрелецкими головами должны были осмотреть и исправить укрепления своих крепостей, переписать военное имущество и годных к военной службе ратных людей, собрать тех из них, которые «в разорение» разбежались из своих городов, сформировав из них новые воинские подразделения.

Для обеспечения регулярной выплаты денежного жалованья военнослужащим правительству пришлось пойти на введение чрезвычайных налогов – сбора с населения т.н. «пятой деньги». Санкцию на это давали остававшиеся в Москве участники действующего на постоянной основе Земского собора 1613-1615 гг. Уже в 1614 г. избранные «всей землей» люди принимают приговор о сборе в стране «пятой деньги» (первой «пятины»); в 1615 г. - о сборе второй «пятины». Материальное обеспечение находящихся на государевой службе ратных людей было особой заботой следующего Собора (1616-1618 гг.). С этой целью в марте 1616 г. соборные люди принимают решение о сборе третьей «пятины» (в отличие от чрезвычайных сборов 1614 и 1615 гг. взимавшейся уже не представителями центральной власти, а выборными с мест - тем самым правительство пыталось избегнуть злоупотреблений, совершаемых приезжими сборщиками; с этой же целью в каждом уезде заранее определялась подлежащая сбору сумма денег), в июне 1617 г. - четвертой, а в апреле 1617 г. - пятой, хотя в царской грамоте в Тотьму от 11 апреля 1617 г. не было ссылок на соборное решение, а указывалось лишь на боярский приговор. Чрезвычайные налоги собирались и впоследствии. Именно с помощью этих мероприятий правительству удалось сравнительно быстро восстановить почти полностью разрушенную в Смутное время военную организацию государства.

* * *

После освобождения Москвы, несмотря на тяжелое состояние русского войска, русское правительство попыталось освободить захваченные врагом западные города, используя имевшиеся в его распоряжении земские ополченские и казачьи войска. Первоначально военные действия складывались для русского оружия удачно. На северо-западе страны в июне 1613 г. отряд князя С.В. Прозоровского и Л.А. Вельяминова освободил Тихвин. Но предпринятое в конце 1613 – начале 1614 г. русским войском под командованием Д.Т. Трубецкого и Д.И. Мезецкого наступление на Новгород закончилось тяжелым поражением под селом Бронницы, расположенным в 30 верстах от Новгорода на р. Мсте. Подошедшее сюда в апреле 1614 г. войско Трубецкого устроило рядом с Бронницами, в месте впадения в Мсту р. Глушница, острожек, другое такое же укрепление было воздвигнуто за Мстой. Московская рать, составленная в основном из ополченцев, в полной мере унаследовала достоинства и главные недостатки земской рати: прежде всего слабую дисциплину, настороженность в отношениях между дворянами и казаками и порочную практику удовлетворения своих потребностей в припасах за счет местного населения. «Нестроением» в русском войске не замедлил воспользоваться Делагарди. 14 июля 1614 г. шведы атаковали полки Трубецкого, разбили их и блокировали русский лагерь, в котором начался голод. Узнав о поражении, царь Михаил Федорович велел Трубецкому отступить к Торжку. При прорыве из окружения русские понесли большие потери. Среди попавших в плен оказались казачьи атаманы Ч. Степанов, Д. Мальцев, С. Беляев, С. Балака. После поражения под Бронницами русские гарнизоны оставили города Старую Руссу и Порхов.

Вдохновленные победой шведы 10 сентября 1614 г. взяли Гдов и предприняли ряд попыток взять Псков, осаду которого возглавил сам шведский король Густав II Адольф. В составе шведского войска в военных действиях участвовали отряды новгородских дворян: Н. Калитина (при шведах находившегося на воеводстве в г. Ямбурге) и И.А. Мещерского (получившего назначение воеводой в Порхов). Во время псковской осады 1615 г. при короле находились также С. Муравьев, И.И. Одоевский (сын новгородского воеводы) и другие русские служилые люди.

В центральной части России моментом наивысшей опасности для очень слабого в военном и экономическом отношении Московского государства стала осень 1618 г., когда польское войско, ведомое королевичем Владиславом и гетманом К. Ходкевичем, подошло к Москве, вновь заняв с. Тушино, некогда бывшее резиденцией Лжедмитрия II. Однако ни шведам короля Густава-Адольфа под Пskовом, ни полякам Владислава и Ходкевича под

Московой не удалось достичь поставленных целей. Разбитые на приступах, интервенты вынуждены были, отвести свои войска, понесшие большие потери и начать переговоры о мире, в котором Московское государство нуждалось гораздо больше своих противников. Заключенные с огромными для России территориальными потерями - Столбовский мир со Швецией и Деулинское перемирие с Речью Посполитой - дали Москве столь необходимую ей мирную передышку для восстановления разрушенной и опустошенной страшной междуусобицей страны.

По Столбовскому миру, подписанному 27 февраля 1617 года в деревне Столбово, недалеко от г. Тихвина, Швеция возвратила Московскому государству захваченные ее войсками, начиная с 1610 г., города Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов и Сумерскую волость. Однако русское правительство вынуждено было пойти на значительные уступки, признав переход к Швеции Карелии и Ижорской земли с городами Корелой, Ям-городом, Копорьем, Орешком и Ивангородом. Проживавшие в на этих территориях русские люди, кроме крестьян и приходских священников, получили право в течении двух недель покинуть родные места и переехать на земли оставшиеся за Московским государством. Кроме того, представлявшие Россию послы - сузdalский наместник кн. Д.И. Мезецкий и шацкий наместник А.И. Зюзин - обязались выплатить Густаву II Адольфу 20 тысяч рублей «доброй ходовой, не фальшивой монетой».

Деулинское перемирие было подписано 1 декабря 1618 года в с. Деулино, недалеко от Троице-Сергиева монастыря, осажденного тогда войском польского королевича Владислава. Представители Польши и России условились прекратить военные действия и заключили перемирие сроком на 14,5 лет. Русские послы наместник псковский боярин Ф.И. Шерemetев, наместник сузdalский боярин Д.И. Мезецкий, наместник калужский окольничий А.В. Измайлов и дьяки И. Болотников и М. Сомов вынуждены были согласиться на уступку Речи Посполитой смоленских и черниговских земель с городами: Смоленском, Белой, Дорогобужем, Рославлем, Монастыревском, Моровском, Черниговым, Стародубом, Поповой горой, Новгород-Северским, Почепом, Трубчевском, Серпейском, Невелем, Себежем, Красным, и Велижской волостью. Москве возвращались захваченные поляками города Вязьма, Козельск, Мещовск, Мосальск и село Борисово в Можайском уезде. К 25 февраля 1619 г. их должны были передать русским властям. Королевич Владислав, ссылаясь на свое избрание москвичами в августе 1610 года русским государем, продолжал именовать себя царским титулом и претендовать на российский престол. Деулинское перемирие 1618 г. сделало возможным возвращение из польского плена отца нового русского царя ростовского митрополита Филарета, вскоре после этого ставшего патриархом. Освобождены были прославившийся героической обороной

Смоленска боярин М.Б. Шеин, а также все русские «вязни» (пленники), содержавшиеся в Полоцке, Дорогобуже, Белой «и на иных ближних городех и в государских пулках и у пулковников и в которых-нибудь литовских пулках». Русские власти в ответ должны были отпустить всех польских пленных.